

* * *

Чудь начудила да Меря намерила...

А. Блок

Я люблю итальянский акцент
Петербурга, французский, голландский.
Он у нас иностранный агент,
Плохо знающий русские сказки
Или знающий, но не на них
Он воспитан, и славянофилы
Площадей его, улиц прямых
Не любили, ни блеска, ни силы.

Блеск не лучший и сила не та.
И смотрели сердито и хмуро.
Подозрительна им красота
Этих спилей, дворцы и скульптура,
Им особый мерещился путь,
И, наверное, даже в могиле

Снились русы им, меря и чудь –
И они этот путь получили.

* * *

Нет, милорд, это облако не похоже
На верблюда, прошу меня извинить.
И на ласточку, нет, не похоже тоже,
На кита? Не уверен, но, может быть,
Приглядеться получше, позорче надо –
И тогда согласиться, что от кита
Что-то есть в нём: угрюмо, продолговато
И плывёт – не летит, не понять, куда?

Нет, милорд, к сожалению, очертанья
Облаков переменчивы, облака
Вообще неустойчивые созданья,
Легкомысленные, то они в шелка,
То в сукно, то в парчовый наряд одеты,

Равнодушные, и безразлично им,
Чем расстроены мы на земле, задеты,
В Эльсинор держат путь они или в Рим.

* * *

На сцене кресло, стоя у камина,
Казалось убедительней актёров,
И нас своей повадкой старинной
Оно переносило в век Тюдоров.

Зачем так много странностей и пыла,
Жестикуляции зачем так много?
Безмолвием оно превосходило
Печальный смысл любого монолога.

В нём было что-то в лучшие моменты
От вековой усталости и пыли,
И заслужило те аплодисменты,
Которыми актёров наградили.

* * *

Бесконечность – что это такое?
Удручённый ею Гераклит
Осознать хотел – махнул рукою
И считал тяжчайшей из обид.

Я однажды был в его Эфесе,
Видел ряд обломанных колонн.
О моём заезде интересе
Ничего, увы, не знает он.

О, как жёлт Эфес и нежно-розов,
Весь в руинах, горек и горяч!
Гераклиту «плачущий философ»
Греки дали прозвище. Не плачь.

Как бы мне утешить Гераклита?
Согласись, отшельник и мудрец:
Жизнь и есть прекрасная обида,
Бесконечность лучше, чем конец.

* * *

В двадцать первом веке живём без Грузии,
Где-то Грузия есть, но рассталась с нами.

И теперь она кажется нам иллюзией,
Кто бы думал, что страны стать могут снами?

О, какой это явственный, восхитительный,
Ослепительный сон, дорогой, печальный,
С её горными склонами, соблазнительный,
А проснёшься, и кажется: нереальный.

Неужели дружил я с её поэтами,
Даже переводил одного на русский?
Пил вино, любовался Мтацминдой, Мцхетою,
Её улочками твердолобоузкими.

А сегодня – разлука, провал представится,
Крепостная стена высока, сурова.
Пушкин не написал бы: Не пой, красавица,
Песен Грузии, и про Казбек – ни слова.

* * *

В Италии, мне помнится, что в Риме,
На некоторых крышах деревца
Я разглядел и любовался ими,
И восхищенью не было конца,
Так нравилось мне это обрамленье,
Зелёная опушка, пришлый хлам,
Архитектуре как бы возраженье,
Теснящее её и здесь и там.

Смущающее цепкостью природной,
Весёлым своеволием своим,
И разум, нам завещанный, угодный
Богам, слабел под натиском таким
И справиться не мог с растущей силой,
Ветвящейся, перечашей ему,
Быть может, потому и сердцу милой,
Что город обращается к уму.

МОРЕ

В странах тех, что выход не имеют
К морю, жизнь, наверное, скучна.
Корабли понравиться умеют
И внушить, что радость нам дана.

Даже если ты стоишь на суше,
Всё равно в душе на них плывёшь.
Море увлажняет наши души
Дарит нам сияние и дрожь.

Я нарочно стран не называю
Сухопутных, что ж их обижать?
Но свою в них жизнь не представляю,
Море – праздник, море – благодать.

Горный кряж над морем нависает,
И глядишь, взойдя на гору ту,

Как кораблик преодолевает
Расстоянье от куста к кусту.

Море бурно, ласково, свирепо,
Всех к нему эпитетов не счесть.
Море – это как второе небо,
Может быть, и третье тоже есть.